

ФРАНКО-АНГЛИЙСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ИСПАНИИ В ГОДЫ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

Н. П. Таньшина

Линия на установление «сердечного согласия»¹ с Великобританией явилась главным вектором внешней политики Франции в годы Июльской монархии (1830–1848). В сближении с Великобританией лидеры орлеанистов, то есть сторонников режима короля Луи-Филиппа Орлеанского, пришедшие к власти в 1830 г., усматривали главную возможность стабилизировать международное положение Франции, осложненное Июльской революцией. Как отмечал английский исследователь Р. Баллен, в начале 1830-х годов Франция и Великобритания впервые за столетия рассматривали друг друга скорее естественными и очевидными союзниками, нежели постоянными и непримиримыми врагами².

Внешняя политика французских либералов-орлеанистов являлась предметом резкой критики как современников событий, широких кругов французской общественности, так и последующих поколений исследователей. Негативная оценка умеренного и компромиссного внешнеполитического курса орлеанистов была обусловлена рядом причин. Возвращение триколора после революции 1830 г. означало

Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета.

¹ Считается, что авторство термина «сердечное согласие» принадлежит лорду Абердину (1784–1860), в 1841–1846 гг. возглавлявшему внешнеполитическое ведомство Великобритании. Французское выражение «entente cordiale» является переводом с английского.

² Colloque de la Fondation Guizot-Val-Richer. François Guizot et la Culture politique de son temps. P., 1991. P.190.

не только восстановление суверенитета нации, но также возрождение чувства национальной обиды за поражение Франции в 1814–1815 гг., за ненавистную систему Венских договоров. Французы вновь почувствовали себя обязанными распространять принципы 1789 года за пределы своего отечества. Причем такие настроения были весьма широко распространены не только в среде республиканцев, но и среди самих либералов, в широких кругах интеллигенции, студенчества, в Национальной гвардии.

Общественное мнение Франции, сугубо антибританское еще со времен Столетней войны (да и войны за Испанское наследство, не говоря уже о наполеоновских войнах), оказалось не готово к проанглийской ориентации орлеанистов. Оппозиция обвиняла правительство в том, что оно проводит антinationальную политику, жертвуя истинными интересами страны ради мнимого «сердечного согласия» с Великобританией, и презрительно именовала кабинет «министерством за границы». Ф. Гизо, министр иностранных дел в 1840–1848 гг., за свою якобы проанглийскую политику получил прозвище «лорда Гизо» или «лорда Валь-Рише» (по названию его поместья)³. Подобные настроения осложняли внутривнутриполитическую ситуацию в стране, способствовали консолидации оппозиции, главным объектом критики которой была именно внешняя политика Луи-Филиппа.

В советской исторической науке внешняя политика Франции, направленная на нормализацию отношений с Великобританией, также рассматривалась в негативном ключе как не соответствующая национальным интересам страны, слабая, неуверенная и «весьма недалёковидная»⁴, отмеченная «скандальными поражениями французской дипломатии»⁵. Как отмечал видный советский историк Н. Застенкер в работе «Революция 1848 года во Франции», Июльская монархия «предпочитала вести пассивную внешнюю политику, делая уступку за уступкой соперникам Франции и избегая всяких столкновений с ни-

³ В частности, А. Ламартин отмечал в своих воспоминаниях, что «устойчивая и твердая идея мира была основополагающей идеей этого царствования». Он называл идею мира «постоянной, пылкой и искренней», однако выражал сомнения относительно причин политики мира: являлась ли источником этой политики «любовь к человечеству или хорошо интерпретированный династический эгоизм». См.: *Lamartine A. de. Lamartine par lui-même*. P., 1892. P.357.

⁴ Большая советская энциклопедия. М., 1929. Т.16.

⁵ Революции 1848–1849 гг. в Европе / Под ред. Ф.В.Потемкина и А.И.Молока. Т.1–2. М., 1952.

ми»⁶. Имелись в виду, прежде всего, уступки Великобритании. Такая оценка внешнеполитического курса правящих кругов Франции требует серьезного пересмотра. В 1830–1840-е годы Франция стояла перед необходимостью разработки основ новой внешнеполитической концепции, соответствовавшей реалиям постнаполеоновской Европы, учитывавшей новое соотношение сил и изменившееся положение Франции в системе международных отношений, а также исходившей из реальных экономических возможностей страны и ее военного потенциала.

Либералы-орлеанисты рассматривали укрепление отношений с Великобританией не как самоцель, и действовали не из-за страха перед Великобританией, стремясь «ублажать» ее, в чем их обвиняла оппозиция. Если бы Франция так «боялась» Великобританию, она бы не стала второй колониальной державой мира. Орлеанисты использовали «сердечное согласие» как средство решения своих национальных задач, как возможный метод усиления позиций Франции в Европе и стремились вынудить Великобританию стать союзницей Франции против России (конкурента Великобритании на Ближнем Востоке, на Кавказе и на путях к Индии) при нейтрализации Пруссии (в то время союзника России и врага пробританских либералов в Европе) и Австрийской империи (как и Пруссия, чуждой Великобритании идеологически и во многом ее конкурента на Балканах и в Средиземноморье).

В то же время, во Франции понимали, что сближения с Англией можно достичь, только разрешив наиболее спорные вопросы в двусторонних отношениях: отказавшись от активной колониальной политики, а также от распространения французского влияния на Бельгию и на Пиренейский полуостров. Именно борьба за установление преобладающего политического влияния в Испании, происходившая на фоне сложных внутривнутриполитических событий в этой стране, явилась одним из узлов франко-английского соперничества.

Каковы же были причины столь пристального внимания к испанским делам и ожесточенного англо-французского соперничества в Испании? Несмотря на то, что интересы экономического характера имели несомненную важность (экспортеры обеих стран были заинтересованы в испанском рынке), первостепенное значение во франко-английском соперничестве в Испании имели интересы политического и стратегического характера.

Франция уже владела тогда Алжиром, и установление ее преобладающего влияния в Испании содействовало бы значительному усилению ее позиций в западной части Средиземного моря, а также

⁶ *Застенкер Н.* Революция 1848 г. во Франции. М., 1948. С.11.

в акватории Атлантического океана, примыкающей к западному побережью Испании. Великобритания также стремилась усилить свое влияние на Пиренейском полуострове, причем не только в Испании, но и в Португалии. Именно стратегическими и политическими интересами обоих государств объясняются интриги, которые велись в Испании с начала 1840-х годов вокруг так называемых «испанских браков», то есть брака королевы Изабеллы и ее сестры инфанты Луизы-Фернанды. Как отмечал Гизо, вопрос о будущем браке королевы Изабеллы был наиболее важен именно для Франции: «Достаточно бросить взгляд на карту Европы, чтобы увидеть, насколько Франция заинтересована в том, чтобы Испания была расположена к союзу с нами и была бы вне всякой европейской комбинации, чуждой французским интересам»⁷.

Английский историк Е. Перри в работе «Испанские браки» отмечал, что Гизо стремился создать некую «бурбонскую лигу», являющуюся одним из важных факторов в решении средиземноморского вопроса, который в 1840-е годы стоял особенно остро в связи с французской оккупацией Алжира, заключением франко-пьемонтского договора (август 1843 г.) и франко-марокканской войной 1844 г.⁸ Итальянский историк С. Мастеллоне, солидаризируясь с этим мнением, отмечал, что в случае успеха политики французской дипломатии в Испании, Франция могла бы свести к минимуму влияние Великобритании в западном Средиземноморье⁹.

* * *

29 сентября 1833 г. умер король Испании Фердинанд VII. Еще в апреле 1830 г. он обнародовал указ, которым восстанавливалось уничтоженное Филиппом V право наследования престола по женской линии, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола. Корона перешла к его малолетней дочери Изабелле, регентшей при которой стала королева-мать Мария-Кристина. Французские и неаполитанские Бурбоны выступили тогда против этого указа, поскольку он противоречил их династическим интересам. Герцог Орлеанский, будущий король французов Луи-Филипп выступал против этого указа столь же активно, как и Карл X¹⁰.

⁷ Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. P., 1867. Vol.8. P.105–106.

⁸ Mastellone S. La politique étrangère de Guizot // Revue d'Histoire diplomatique. 1957. N 4. Octobre-décembre. P.375.

⁹ Ibid.

¹⁰ Guizot F. Mémoires... Vol.8. P.102.

Эту позицию разделял и герцог Л.-В. де Брой, возглавлявший с октября 1832 по февраль 1836 г. правительство и министерство иностранных дел. Он писал лорду Бругаму 25 октября 1833 г.: «Что касается нас, мы бы предпочли, чтобы дон Карлос наследовал своему брату согласно закону от 1713 г. Это несравненно больше отвечало бы интересам Франции. Наследование по женской линии опасно для нас тем, что может дать нам однажды неизвестно какого соседа, что нам, по сути, нежелательно». Луи-Филипп развивал эти же идеи в разговоре с принцем Эстергази 23 мая 1834 г.¹¹. Однако французское правительство было вынуждено признать перемены, произошедшие в системе престолонаследия в Испании. Спустя тридцать лет, журнал «Русский вестник» отмечал, что «вступление на французский престол изменило если не образ мыслей Луи-Филиппа, то, по крайней мере, его образ действий»¹².

1 октября 1833 г. дон Карлос, брат Фердинанда VII, находившийся в Португалии, объявил себя королем Испании под именем Карла V. 17 октября, регентша, королева Мария-Кристина особым указом лишила дона Карлоса прав и привилегий и конфисковала принадлежащее ему имущество. Началась первая карлистская война¹³.

Французское правительство с самого начала гражданской войны в Испании, заявив о своей приверженности политике вооруженного невмешательства во внутренние дела этой страны, в то же время подчеркивало, что будет оказывать Испании материальную и моральную поддержку. Именно исходя из такого понимания принципа невмешательства, Франция сочла необходимым заключить договор о Четверном союзе, подписанный в Лондоне 22 апреля 1834 г. Великобританией, Францией, Испанией и Португалией. По этому договору Франция и Великобритания обязались оказывать вооруженную помощь правительствам Испании и Португалии против дона Карлоса и дона Мигеля¹⁴,

¹¹ Thureau-Dangin P. Histoire de la monarchie de juillet. P., 1888. T.2. P.390.

¹² Арсеньев К. К. Записки Гизо: Испанские дела: министерство Моле и коалиция // Русский вестник. 1860. Т.36. С.181.

¹³ Странники дона Карлоса — карлисты, отражали интересы наиболее реакционных кругов аристократии и католической церкви, использовали в своих целях стремление к автономии басков и каталонцев и невежество патриархально настроенного крестьянства северных районов страны. Они отстаивали основы абсолютистской монархии прошлого.

¹⁴ В ст.4 договора отмечалось: «В случае, когда содействие Франции будет признано необходимым тремя другими державами... король французов обязуется предпринять меры, согласованные им с тремя подписавшими договор державами». См.:

оспаривавших права на престол у действующих монархов этих стран соответственно.

Итак, Испания оказалась в центре европейской политики, а европейские государства разделились на два противоположных лагеря: сторонников королевы Марии-Кристины и сторонников дона Карлоса. Россия, Австрия и Пруссия порвали дипломатические отношения с королевой Марией-Кристиной и поддержали дона Карлоса. Франция, Великобритания, США и Дания поддержали королеву.

Заключение Четверного союза было неоднозначно встречено во Франции. Сторонники договора рассматривали его как важный шаг на пути создания лиги конституционных государств в качестве противовеса абсолютистским монархиям¹⁵. Гизо, выступая в защиту договора, подчеркивал, что Франция и Великобритания, «забыв о своем вековом соперничестве за преобладание в Испании, объединили усилия в целях стабилизации обстановки на Пиренеях и недопущения нарушения европейского равновесия»¹⁶.

С другой стороны, ряд политических деятелей считал нецелесообразным заключать союзный договор с Великобританией, главным конкурентом Франции в борьбе за преобладающее влияние в Испании, полагая, что такой союз будет соответствовать только английским интересам¹⁷. Именно так оценивала договор левая оппозиция, объединившаяся вокруг газеты *National*. Газета отмечала, что Великобритания в своих действиях в Испании исходила, прежде всего, из стремления укрепить свои позиции на Пиренеях, причем не только в Испании, но и в Португалии, и вопрос о том, «будет ли Испания проводить политику „золотой середины“ или абсолютизма, является для нее второстепенным». По мнению издания, после заключения договора именно

Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф.133. Оп.469. Д.68. Л.47 об. Приложение к письму графа Риньи к маршалу Мезону из Парижа от 4 июня 1834 г.

¹⁵ В частности, *Le Constitutionnel*, газета А.Тьера, оценивал договор как начало реализации планов Наполеона Бонапарта по «созданию южной лиги против северной цивилизации, против варварства, исходящего от России». См.: *Le Constitutionnel*. 1837. 3 juillet. №184.

¹⁶ См.: *Le Moniteur universel*. №324. 1840. 19 novembre. P.2273.

¹⁷ Так, пэр Франции С.Дре-Брезе, сторонник легитимистов, выступая в палате пэров 18 ноября 1840 г., заявил: «Надо находиться в полном неведении относительно ситуации на Пиренеях, надо вовсе не понимать наши истинные интересы, чтобы вступить в союз с Англией, который разрушит монархию в Испании и возродит Испанию революционную, то есть английскую». См.: *Ibid*. P.2272–2273.

Англия получила политическое преобладание в Мадриде, причем, подчеркивалось, что ее интересы в Испании «если не противоположны, то весьма отличны от интересов Франции»¹⁸.

В мае 1835 г. испанское правительство де ла Роса, убежденного франкофила, было вынуждено просить правительства Франции и Великобритании об оказании вооруженной помощи. Английский флот блокировал испанское побережье, а в саму в Испанию отправился Британский легион волонтеров.

Во Франции разгорелась острая политическая борьба по вопросу об оказании вооруженной помощи Испании, точнее по вопросу о методах ее осуществления. В кабинете де Бройя (12 марта 1835—6 февраля 1836), идея вооруженной интервенции нашла пылкого сторонника в лице министра внутренних дел А. Тьера. Позиция Тьера была поддержана военными, а именно маршалами Жераром и Мезоном. Первоначально казалось, что точка зрения Тьера берет верх: на границе с Испанией был сформирован десяти тысячный корпус, французским генералам были отданы соответствующие распоряжения.

За активизацию политики в Испании выступила также левая оппозиция. *National*, в частности, отмечала, что король Луи-Филипп должен завершить в Испании дело, «начатое Наполеоном и продолженное в годы Реставрации», то есть выступала за непосредственное вооруженное вмешательство в дела Испании, подчеркивая, что Франция не может пассивно наблюдать за тем, что происходит у ее «опасного соседа»¹⁹.

Однако де Брой, Гизо, Сульф и сам Луи-Филипп выступили сторонниками политики невмешательства. Король, обосновывая свою позицию, подчеркивал, что испанская монархия способна сама себя защитить, а вооруженная интервенция представляется ему очень рискованным шагом²⁰. В разговоре с Поццо ди Борго он подчеркнул, что «не отправит войска в Испанию, а сохранит свободу действий, и будет поступать согласно обстоятельствам»²¹. Не советовал королю при-

¹⁸ Le National. 1834. 8 aout.

¹⁹ Ibid.

²⁰ По мнению Луи-Филиппа, испанцы, вскоре после отправления французских войск в их страну, окажут французам серьезное сопротивление, и интервенция может растянуться на неограниченный срок. Король французов говорил: «Я знаю испанцев, они очень неукротимая и необузданная нация. Сегодня они нас призывают, но едва мы окажемся у них, как они станут нас ненавидеть и будут нам всячески мешать». См.: *Thureau-Dangin P. Op. cit. T.2. P.396–397*

²¹ АВПРИ. Ф.187. Оп.524. Д.116. Л.212 об. Донесение Поццо ди Борго от 15/27.08.1834.

бегать к вооруженной интервенции и Ш. М. Талейран, выступавший в те годы за сближение с континентальными державами, и полагавший, что Великобритания стремится придать событиям в Испании радикальный оборот, добившись изгнания с ее территории сначала дона Карлоса, а затем и регентши Марии-Кристины, и, направив события по португальскому варианту, что позволит ей укрепить свои позиции сразу в обоих государствах Пиренейского полуострова²². Кроме того, идея вооруженной интервенции в Испанию была весьма непопулярна в кругах широкой французской общественности. Почти все газеты выступили с осуждением идеи интервенции.

К тому же, вооруженное вмешательство Франции в дела Испании грозило обострением отношений с Великобританией. Когда во Франции разгорелась борьба по вопросу о вступлении французских войск в Испанию, английское правительство объявило, что оно не будет солидарно с этой мерой, столь опасной для спокойствия Европы²³.

В итоге вопрос о вмешательстве Франции в дела Испании был решен отрицательно. Даже Тьер был вынужден отказаться от этой идеи. Луи-Филипп дал приказ распустить армейский корпус, уже готовившийся пересечь Пиренеи.

Однако правительство де Бройя отправило на помощь королеве Марии-Кристине часть своего Иностранного легиона, отозванного из Северной Африки. 28 июня 1835 г. была заключена соответствующая франко-испанская конвенция. Войска французского Иностранного легиона до 1839 г. сражались против карлистов на границе с Испанией. Они вернулись во Францию 7 января 1839 г.²⁴. В военном отношении помощь Франции оказала незначительное влияние на общий ход войны (к этому времени английский флот уже нанес поражение войскам карлистов), но имела большое политическое значение.

14 сентября 1835 г. королева Мария-Кристина призвала к власти либерала, банкира Мендисобаля, сторонника пробританской ориентации во внешней политике. В начале 1836 г. отряд английских солдат и матросов получил приказ высадиться в Испании и соединиться с войсками королевы Марии-Кристины. Вместе с тем, министр иностранных дел Великобритании лорд Пальмерстон предложил французскому правительству, возглавлявшемуся с февраля 1836 г. А. Тьером

²² Там же. Л.212.

²³ Thureau-Dangin P. Op. cit. T.2. P.398.

²⁴ Подробнее о деятельности иностранного легиона в Испании см.: Collevile A. de. Histoire de l'Ancienne légion étrangère créée en 1831, licenciée en 1838. P., 1850.

(22 февраля — 6 сентября 1836 г.), занять некоторые стратегические пункты на севере Испании.

Сначала Тьер отверг это предложение, поскольку в тот момент он пытался сблизиться с континентальными странами, склонными поддерживать абсолютистские порядки в Испании. К тому же, как справедливо отмечал русский публицист, сотрудник «Русского вестника» К. К. Арсеньев, французское самолюбие не могло допустить вмешательства, инициатива которого исходила от Великобритании²⁵. Однако после крушения надежд на союз с Австрией Тьер высказался за интервенцию в Испании, подчеркивая стратегическую важность этой страны для Франции²⁶.

Однако король Луи-Филипп, решительно противясь любым авантюрам во внешней политике, даже поручил министру внутренних дел Монталиве «присматривать» за действиями Тьера. Луи-Филипп согласился усилить косвенную помощь испанскому правительству: снабдить его оружием и снаряжением, довести численность Иностранного легиона до 6 тыс. Тьер был вынужден отказаться от замысла вооруженной помощи Испании силами французской армии²⁷.

В Испании тем временем произошел государственный переворот, власть перешла к прогрессистам. Было сформировано правительство Калатравы, которое настаивало на восстановлении конституции 1812 г. Король Луи-Филипп полагал, что в сложившихся условиях дальнейшее вмешательство в испанские дела, прямое или косвенное, будет являться поддержкой испанских радикалов. Он предложил правительству Тьера распустить войска, собранные на границе с Испанией, и таким образом окончательно и гласно отказаться от всякой мысли о вооруженном вмешательстве.

Это предложение спровоцировало министерский кризис во Франции: Тьер и остальные министры, кроме Монталиве, подали в отстав-

---

²⁵ Арсеньев К. К. Записки Гизо: Испанские дела: министерство Моле и коалиция // Русский вестник. 1860. Т.36. С.187.

²⁶ Выступая в палате депутатов 14 января 1837 г., то есть уже после своей отставки, аргументируя свои действия, Тьер заявил: «Испания, говоря военным языком, расположена в нашем тылу, и все знают, что для государства, как и для армии, первое условие безопасности — это хорошо обеспеченный тыл». См.: Discours parlementaires de M.Thiers. P., 1879. Т.4. P.27.

²⁷ Тьер следующим образом обосновывал свою политическую линию, выступая 2 июня 1836 г. в палате депутатов: если Англия могла совершить высадку 1 тыс. морского десанта в испанских портах без обвинения в вооруженной интервенции, то отправка французских сухопутных войск в Испанию была бы воспринята именно как интервенция. См.: Discours parlementaires de M.Thiers. P., 1879. Т.3. P.495.

ку; король призвал к власти графа Л. Моле (министерство 6 сентября 1836—5 апреля 1837 г.). Выступая в палате депутатов 14 января 1837 г., Моле заявил: «Конституция 1812 г., порядок или анархия являются полностью испанскими вопросами, в которые мы не имеем ни желания, ни права вмешиваться»²⁸. В то же время, он подчеркнул, что Франция, сохраняя свободу действий, должна сохранять свои вооруженные силы, чтобы при необходимости использовать их для защиты своей «чести и интересов».

Однако английское правительство продолжало настаивать на совместной англо-французской интервенции в Испанию. Как заявил посол Великобритании в Париже лорд Гренвилл, тридцатитысячному французскому вспомогательному корпусу предлагалось занять территорию на франко-испанской границе, чтобы «восстановить власть королевы Изабеллы в этих провинциях»²⁹. Однако французское правительство, как и прежде, сочло целесообразным придерживаться принципа вооруженного невмешательства. Король Луи-Филипп полагал, что интервенция в Испанию могла стать фактором, дестабилизирующим и внутривнутриполитическую ситуацию во Франции, и ее международное положение³⁰. Как отмечал политический и военный деятель тех лет маршал Каstellан, он в феврале 1837 г., вернувшись из Испании, после разговора с Луи-Филиппом понял, «в какой степени король опасался войны»³¹.

В конце января 1837 г. палата депутатов большинством в 85 голосов вотировала ответный адрес на тронную речь короля, выразив согласие с отказом от вооруженного вмешательства в дела Испании³², хотя обсуждение проекта Адреса и происходило в бурных спорах между сторонниками политики Луи-Филиппа и приверженцами

²⁸ Ibid. P., 1879. T.4. P.21.

²⁹ АВПРИ. Ф.133. Оп.469. Д.169. Л.6. Донесение П.П.Палена от 15/27.12.1836.

³⁰ Он отметил: «Интервенция, помимо человеческих и финансовых потерь может скомпрометировать мой авторитет внутри страны и во всем мире. Допустим, она не вызовет враждебных демонстраций против меня со стороны трех северных держав. А если поднимется Савойя, Швейцария и Италия, а Австрия захочет прийти на помощь итальянским властям? Я окажусь парализованным в своих действиях вследствие военных операций в Испании и возможных затруднений на Востоке. Я буду не в состоянии действовать на два фронта». См.: Там же. Л.7–7 об. Донесение П.П.Палена от 15/27.12.1836.

³¹ Castellane E.V.E.B. Journal du maréchal de Castellane (1804-1862). P., 1896. T.3. P.267.

³² АВПРИ. Ф.133. Оп.469. Д.169. Л.80 об. Донесение П.П.Палена от 16/28.01.1837.

идеи вооруженной интервенции в Испанию, группировавшимися во-
круг Тьера³³.

В итоге, решение о военной интервенции правительством Моле было отклонено. Этой политической линии Франция придерживалась и в период второго министерства Моле (15 апреля 1837—8 марта 1839 гг.). Однако Моле, как и другие орлеанисты, не отрицал возможности интервенции в принципе, считая, что в этом вопросе, как, впрочем, и в других внешнеполитических проблемах, «единственным ориентиром политики Франции должен быть ее государственный интерес»³⁴.

31 августа 1839 г. первая карлистская война закончилась поражением дона Карлоса, который 14 сентября в сопровождении группы приверженцев перешел испано-французскую границу и обосновался в Бурже. По требованию сил, обеспечивших Марии-Кристине победу в первой карлистской войне, она назначила главой правительства генерала-прогрессиста Бальдомеро Эспартеро. Однако широкие слои общества требовали немедленного отречения регентши. В июне 1840 г. народное выступление заставило Марию-Крестину бежать в Валенсию, а 17 октября 1840 г. она сложила свои полномочия и покинула Испанию.

Регентом стал генерал Эспартеро. Он открыто заявил о том, что «его привязанности и образ мыслей всегда влекли его к тесному союзу с Великобританией, на дружбу которой он рассчитывает»³⁵. С этого времени Великобритания смогла существенно укрепить свои позиции в Испании. Британский посланник в Мадриде Вилье стал главным советником Эспартеро. Усиление влияния Великобритании выразилось, в частности, в том, что к концу пребывания Эспартеро у власти правительство Р. Пиля вступило с ним в переговоры о возможности заключения торгового договора с Испанией.

В самой Испании отношение к этой идее было неоднозначным. Противниками договора выступали Каталония и Баскония, опасавшиеся английской конкуренции для своей промышленности. Сельскохозяйственные районы Испании, главным образом центральные и южные, были заинтересованы в импорте английской промышленной продукции и в поставках на английский рынок продукции своего сельского хозяйства. В договоре были заинтересованы казначейство

³³ По словам П.П.Палена, «Тьер проявил себя чемпионом интервенции и с ловкостью эксплуатирует опасения своих коллег-депутатов. Его действия — это выпад против министерства и лично против Гизо, главной министерской опоры». См.: Там же. Л.69. — 69 об. Донесение П.П.Палена от 6/18.01.1837.

³⁴ Там же. Л.31 об. Донесение П.П.Палена от 4/16.01.1838.

³⁵ *Guizot F. Mémoires...* Vol.6. P.298.

и правительство, рассчитывавшие с помощью таможенных пошлин пополнить опустевшую казну. Как отмечала французская газета *Le Siècle*, орган династической левой, «можно утверждать, что нужда в деньгах заставила бы заключить договор с Англией, если бы не опасения разрушить национальное единство, которое в Испании пытаются создать»³⁶. В итоге, англо-испанские переговоры так и не были доведены до конца.

В глазах монархической Европы Эспартеро, выходец из низов, был воплощением революции. Королева Мария-Кристина обратилась ко всем европейским дворам и к испанскому народу с манифестом, выражая протест против действий Эспартеро и правительства. В Париже она нашла радушный прием и сочувствие у короля Луи-Филиппа, который с этого времени стал оказывать ей политическую и финансовую поддержку. Однако французское правительство по-прежнему заявляло, что будет придерживаться принципа вооруженного невмешательства в дела Испании. Ф. Гизо, ставший 29 октября 1840 г. министром иностранных дел в кабинете Н. Сульта, писал по этому поводу в «Мемуарах»: «Мы не имели доверия к регенту Эспартеро, но мы не намеревались выступить против него и попытаться его опрокинуть. Мы отнюдь не скрывали нашего мнения об испанском правительстве, но мы оставались верными нашей политике невмешательства»³⁷. В то же время, Гизо подчеркивал, что Франция не может допустить установления в Испании преобладающего влияния другой державы, а именно Великобритании, что, в сущности, и произошло при регентстве Эспартеро³⁸.

Для оказания моральной помощи королеве Изабелле, а также для укрепления своего влияния при ней, в противовес усилившимся, благодаря Эспартеро, позициям Великобритании, французское правительство решило аккредитовать своего посла при королеве Изабелле. 9 сентября 1841 г. послом Франции в Испании был назначен граф Сальванди. Однако уехал в Мадрид он только 29 ноября, из-за вспыхнувшего в Испании восстания кристинос (сторонников Марии-Кристины). Но приступить к исполнению своих обязанностей ему так и не удалось из-за противодействия правительства Эспартеро³⁹.

³⁶ *Le Siècle*. 1842. 14 avril.

³⁷ *Guizot F. Mémoires...* Vol.6. P.304.

³⁸ АВПРИ. Ф.133. Оп.469. Д.153. Л.1.

³⁹ Сальванди получил от короля Луи-Филиппа инструкции, согласно которым он должен был вручить верительные грамоты не Эспартеро, а лично королеве Иза-

Во Франции эти известия были встречены с негодованием. Газеты справедливо писали, что отношение к представителю Франции это не только вопрос этикета, но «вопрос принципа и национального достоинства», и усматривали в таком повороте событий происки представителя Великобритании в Испании Астона⁴⁰.

Как бы в подтверждение этого, правительство Р. Пиль заявило, что согласно действовать в испанских делах совместно с Австрией, Пруссией и Россией, и что оно скорее «не признает ни королеву Изабеллу, ни испанский конституционный режим, чем согласится с усилением позиций Франции»⁴¹. «Наша позиция и наши интересы, — говорил Р. Пиль, — лучше согласуются с позицией и интересами этих держав, чем с позицией Франции; они, как и мы, заинтересованы в том, чтобы Испания не превратилась в послушный инструмент Франции. Спротивляться установлению французского влияния в Испании — такова должна быть наша важнейшая и постоянная задача»⁴². Однако, официально английское правительство продолжало заявлять, что не намерено вмешиваться во внутреннюю политику испанского правительства⁴³.

Со своей стороны, Гизо также подчеркивал, что франко-английское соперничество в Испании являлось «одной из важнейших причин, мешающих этой благородной стране придти к спокойной и организованной жизни». Однако, пытаясь несколько сгладить противоречия между двумя странами, он отмечал, что англо-французская борьба в Испании не имела «серьезных, реальных мотивов», а являлась продолжением традиционного, векового соперничества двух стран

белле. Испанское правительство отказалось признавать посла на таких условиях, настаивая, чтобы он был представлен регенту Эспартеро как конституционному представителю королевы Изабеллы. Сальванди в ответ заявил, что как личный представитель короля Луи-Филиппа он должен вручить грамоты только королеве Изабелле. В конце концов, Сальванди согласился вручить верительные грамоты Изабелле в присутствии регента Эспартеро. Однако к согласию прийти так и не удалось, Сальванди был вынужден покинуть Мадрид.

⁴⁰ Le Siècle. 1842. 18 janvier; La Presse. 1842. 4 janvier.

⁴¹ Guizot F. Mémoires... Vol.6. P.299.

⁴² Ibid.

⁴³ *Morning Chronicle*, главный орган правительства вигов, писал в конце 1841 г.: «Великобритания «не имеет никаких политических видов на Испанию... Мы видим в Испании никем не занятый обширный рынок для нашей продукции, в обмен за которую мы могли бы получать продукцию ее плодородной почвы. Но устранить Францию от участия в сих выгодах мы и не помышляем». Цит. по: Московские ведомости. 1841. 3 декабря.

за влияние за Пиренеями. Гизо подчеркивал, что Франция и Великобритания, по сути, имели одну общую цель в испанском вопросе: содействовать укреплению конституционной монархии и упрочению внутривластной стабильности в этой стране⁴⁴ (правда, каждая в своих собственных интересах).

Оппозиция, в отличие от Гизо, не была склонна затушевывать франко-английские противоречия в Испании: оппозиционные газеты утверждали, что Великобритания стремилась подчинить Испанию своему влиянию, превратив ее в источник сырья и рынок сбыта своих промышленных товаров⁴⁵.

Английское и французское правительство тщательно следили за действиями друг друга в Испании. Французский кабинет, придерживаясь идеи вооруженного невмешательства, все-таки отправил к Барселоне стопушечный линейный корабль и несколько других кораблей первого ранга, чтобы наблюдать за маневрами английских военных судов⁴⁶.

Между тем, в июне 1843 г. Гизо получил депешу от Сент-Олера, к тому времени посла Франции в Великобритании, в которой сообщалось, что британский кабинет предписал военным кораблям, стоящим у Гибралтара, крейсировать вдоль испанского берега и находиться в полном распоряжении английского посла в Мадриде. Французское правительство, со своей стороны, решило направить к пиренейской границе несколько полков⁴⁷.

Внутривластная ситуация в Испании продолжала оставаться нестабильной. Эспартеро, способный военачальник, оказался плохим политиком: он перессорился с большинством лидеров своей партии (в нее входили либералы, демократически настроенные офицеры и другие) и проводил непоследовательную политику. В результате в июле 1843 г. был организован военный переворот, возглавленный ге-

⁴⁴ АВПРИ. Ф.133. Оп.469. Д.134. Л.45. Донесение Н.Д.Киселева от 5/17. 01. 1844.

⁴⁵ Так, газета *L'Echo du Nord* писала еще в 1837 г., что «Англия видит в Испании только средство увеличения своего промышленного влияния... только обширный рынок для своей продукции». Цит. по: *Le Constitutionnel*. 1837. 4 septembre. Аналогичного мнения придерживался орган династической левой *Le Siècle*: «Если Франция ищет в Испании друга, то Англия — рынка. Англии нужно, чтобы Испания стала ее промышленным и морским вассалом, и она никогда не откажется от этой цели». См.: *Le Siècle*. 1842. 26 fevrier, 19 juin.

⁴⁶ Русский инвалид. 1842. 11 декабря.

⁴⁷ Северная пчела. 1843. 25 июня.

нералом Нарваэсом. Эспартеро был вынужден бежать в Великобританию, Нарваэс установил в Испании режим военной диктатуры.

Установление нового режима в Испании не привело к ослаблению англо-французского соперничества за влияние в этой стране. Однако Франция продолжала придерживаться политики отказа от вооруженного вмешательства во внутренние дела Испании. В середине декабря 1843 г. тьюильрийский кабинет отклонил соответствующую просьбу королевы Изабеллы к Луи-Филиппу. Тогда королева Мария-Кристина обратилась к французскому правительству с предложением отправить к испанской границе французский корпус⁴⁸.

8 ноября 1843 г. тринадцатилетняя королева Изабелла была объявлена совершеннолетней (хотя, согласно конституции, она становилась совершеннолетней в 14 лет, то есть 10 октября 1844 г.)⁴⁹. На повестку дня встал вопрос о ее браке. Он имел большое политическое значение не только для Испании, но и для всей Европы. Как писал О. Барро, «приближался момент, когда все дипломаты Европы будут заниматься браком. Его исход определит, по их мнению, на все годы царствования Изабеллы, чье влияние окажется преобладающим в Испании: либо Франции, либо ее противников»⁵⁰.

Вопрос о бракосочетании молодой испанской королевы серьезно беспокоил французское и английское правительства уже несколько лет. Каждое из них стремилось, в целях расширения своего влияния на Пиренейском полуострове, принять активное участие в его решении; каждое имело своего кандидата на руку Изабеллы, и каждое употребило все дипломатические средства, чтобы устранить претендентов другого.

В качестве своего претендента британское правительство выдвинуло кандидатуру принца Леопольда Саксен-Кобургского, германского кузена мужа королевы Виктории, принца Альберта. Французское правительство первоначально рассчитывало на брак королевы Изабеллы с одним из младших сыновей Луи-Филиппа. Сама королева Мария-Кристина являлась сторонницей этого брака и многократно писала об этом королю французов, который был не против кандидатуры своего сына герцога Омальского. Однако эта идея вызвала резкое противодействие Великобритании: британское правительство заявило, что оно не намерено каким-либо образом стеснять свободу испанского дво-

⁴⁸ Там же. 1843. 14 декабря.

⁴⁹ *Майский И. М.* Испания. 1808–1917. Исторический очерк. М., 1957. С. 182–216.

⁵⁰ *Barrot O.* Mémoires posthumes de Odilon Barrot. P., 1875. T.1. P.366.

ра, если только этот выбор не падет на французского принца. Даже несколько лет спустя, когда уже и речи не велось о кандидатуре сына Луи-Филиппа в качестве мужа Изабеллы, лорд Абердин в разговоре с послом Франции в Лондоне Сент-Олером заявил, что «герцог Омальский взойдет на трон Испании только ценой всеобщей войны»⁵¹.

Франция, со своей стороны, открыто высказывалась против кандидатуры принца Кобургского, объясняя это зависимостью его династии от Великобритании⁵². Однако брак с принцем из дома Кобургов встретил поддержку в Испании. Еще Эспартеро высказывался против заключения брака Изабеллы с принцем из дома Бурбонов. Он говорил Астону, послу Великобритании в Испании: «Испании нужен маленький немецкий принц, чуждый великим европейским дворам и испанским партиям». Астон из разговора с Эспартеро сделал вывод: «Хотя он и не говорил этого, я могу признать, что он является сторонником брака Изабеллы с принцем Кобургским»⁵³.

Английская пресса, со своей стороны, пыталась доказать обратное, называя французские опасения «заблуждениями». В частности, *Times* от 7 августа 1846 г., доказывая, что брак Изабеллы с Кобургом отнюдь не означал бы усиления позиций Англии в Испании, в качестве примера ссылаясь на короля Бельгии Леопольда Кобургского, отмечая, что «Леопольд сейчас — принц больше французский, чем английский».

Для французского правительства было важно выяснить мнение короля Бельгии Леопольда, как главы дома Саксен-Кобургов, по этому вопросу. Как отмечал Сент-Олер, он занял весьма неопределенную позицию, исходя из чего французский дипломат сделал вывод, что «...король Леопольд не хочет вызвать недовольство нашего короля, он всегда стремился способствовать установлению добрых отно-

---

⁵¹ *Revue Rétrospective ou archives secrètes du dernier gouvernement. 1830–1848. P., 1848. P.298.*

⁵² Опасения Франции вызывало, в том числе, следующее обстоятельство: еще один кузен принца Альберта и принца Леопольда — принц Фердинанд Саксен-Кобургский был женат на португальской королеве. Отношения же между мадридским двором и двором Лиссабона в то время были довольно напряженными и в Великобритании надеялись, что женитьба принца Кобургского на Изабелле способствовала бы преодолению напряженности во взаимоотношениях между Португалией и Испанией. Путем брака принца Леопольда с Изабеллой Великобритания могла бы установить свое доминирующее влияние на всем Пиренейском полуострове, и в Португалии, и в Испании.

⁵³ *Guizot F. Mémoires... Vol.8. P.130–131.*

шений между нами и Англией, но, прежде всего, он Кобург... и сделает для своего племянника все возможное»⁵⁴.

Луи-Филипп, согласившись отказаться от кандидатуры одного из своих сыновей на этот брак, решил, что королева Изабелла должна заключить брак только с принцем из дома Бурбонов, потомков Филиппа V, но по мужской линии⁵⁵. Идея заключения брака Изабеллы с принцем — наследником Филиппа V по мужской линии стала основополагающей идеей французской дипломатии в вопросе о браке Изабеллы. 26 октября 1841 г. Гизо писал Сент-Олеру: «Мы не должны желать, и мы не желаем на испанском троне *французского* Бурбона; но для того, чтобы французские интересы были соблюдены, нам нужен *Бурбон*»⁵⁶.

Для выяснения позиции Великобритании и континентальных стран — Австрии и Пруссии относительно французской политики в Испании, весной 1842 г. поверенный в делах Франции в Испании, Пажо, был направлен сначала в Лондон, затем в Вену и Берлин. Лорд Абердин выступил против идеи Луи-Филиппа, заявив, что он не может согласиться на семейный альянс между Францией и Испанией⁵⁷. Канцлер К. Меттерних выразил свое согласие с английской позицией: «Как и лорд Абердин, я полагаю, что вы не имеете права диктовать королеве Испании, за кого ей нужно выходить замуж. Это будет посягательством на суверенитет независимого государства, и ни одна держава не имеет такого права». Однако он подчеркнул, что Франция вправе рассматривать какой-либо акт как враждебный ее интересам или угрожающий ее безопасности. В качестве возможного варианта Меттерних предложил идею брака королевы Изабеллы с сыном дона Карлоса⁵⁸.

⁵⁴ Ibid. P.132–133.

⁵⁵ Этот аспект является очень важным для понимания политики французского правительства. Дело в том, что сыновья Луи-Филиппа являлись потомками Филиппа V, но по женской линии, по линии супруги Луи-Филиппа. Эту мысль король Луи-Филипп неоднократно доводил до сведения королевы Марии-Кристины, как в момент ее пребывания в Париже, так и в многочисленных письмах.

⁵⁶ Guizot F. Mémoires... V. 8. P.115.

⁵⁷ В разговоре с Пажо и послом Франции в Великобритании Сент-Олером Абердин, в частности, отметил: «Я не разделяю подобного заявления. Королева Испании должна оставаться свободной в выборе мужа, который ей понравится. Это чрезмерная претензия, противоречащая морали, обязывать королеву сделать тот или иной выбор». См.: Ibid. P.115–116.

⁵⁸ Ibid. P.118–119

Французское правительство сначала также делало ставку на одного из двух сыновей дона Карлоса, однако понимало, что эту идею будет очень сложно реализовать⁵⁹. Аналогичного мнения придерживалась и российская дипломатия. Поверенный в делах России во Франции Н. Д. Киселев, сомневаясь в возможности заключения такого брака, отмечал, что «это возродило бы карлистскую войну раньше, чем сын дона Карлоса взойдет бы на трон с Изабеллой». Однако Н. Д. Киселев соглашался, что в самой Испании одно время делали ставку на одного из сыновей дона Карлоса, надеясь, таким образом, сблизить враждебные партии⁶⁰.

В Берлине предложения Меттерниха также были встречены скептически. Министр иностранных дел Пруссии барон Бюлов в беседе с Пажо заявил, что, разделяя идею Меттерниха, он мало верит в ее успех. Одобрив политику французского правительства, он заверил Пажо, что отказа короля Луи-Филиппа от брака для одного из его сыновей достаточно, и что идея брака Изабеллы с одним из наследников Филиппа V не встретит в Берлине никаких возражений⁶¹.

Вопрос о браке королевы Изабеллы продолжал оставаться камнем преткновения во франко-английских отношениях. В сентябре 1845 г. король Луи-Филипп и королева Виктория во время встречи в замке Ё на словах заключили дружеский компромисс. Они обменялись обещаниями «взаимного снятия своих кандидатов», как бы подтверждая этим наличие «сердечного согласия» между двумя странами⁶². Луи-Филипп обещал отклонить предложение Марии-Кристины выдать королеву Изабеллу за одного из его младших сыновей. Лорд Абердин, со своей стороны, от имени английского правительства обещал воздерживаться от всякого вмешательства в испанские брачные дела в пользу кандидатуры Кобургов.

На этих переговорах Франция впервые предложила кандидатуру герцога Монпансье, пятого сына Луи-Филиппа, в качестве претендента на руку инфанты Луизы-Фернанды, сестры королевы Изабеллы.

⁵⁹ Как писал Пизо, «нет ничего более трудного и даже невероятного, чем заключение такого брака». По его словам, Франция была готова признать сыновей дона Карлоса в качестве претендентов на руку Изабеллы, если бы они отказались от политики абсолютизма и согласились бы действовать в рамках принципов конституционной монархии. См.: Ibid. P.119–121.

⁶⁰ АВПРИ. Ф.133. Оп.469. Д.154. Л.43 об. Донесение Н.Д.Киселева от 6/18. Об. 1842.

⁶¹ *Guizot F. Mémoires...* Vol.8. P.122.

⁶² *Renouvin P. Histoire des relations internationales.* P., 1954. T.5. P.183.

Однако в английском правительстве полагали, что вследствие такой комбинации французский принц с большой вероятностью мог бы оказаться «на одной ступеньке от трона»⁶³. Поэтому лорд Абердин согласился на предложение Франции, но с оговоркой, что брак герцога Монпансье с инфантой будет заключен только после того, как у Изабеллы родится наследник, чтобы, таким образом, ее сестра (а, следовательно, Франция в лице герцога Монпансье) не могла бы претендовать на испанский престол. Французская дипломатия обошла это условие, выдвинув менее определенную формулировку, что браки королевы и инфанты должны совершаться «не одновременно»⁶⁴.

Лорд Абердин, со своей стороны, дал обязательство, что английское правительство не будет продвигать кандидатуру Леопольда Саксен-Кобурга⁶⁵. Однако, по словам Луи-Филиппа, какова бы ни была лояльность лорда Абердина, «поведение английских агентов в Испании не соответствовало ни его линии, ни нашей»⁶⁶.

Тем временем, главный вопрос — о кандидатуре супруга для Изабеллы, продолжал оставаться нерешенным. Испанский двор в своем выборе зависел от преобладания французского или английского влияния в Испании. Французское правительство продолжало настаивать, что мужем Изабеллы должен стать принц из династии Бурбонов, потомок Филиппа V⁶⁷.

Несмотря на достигнутые франко-английские договоренности, кандидатура Кобурга настойчиво выдвигалась на первый план английским послом в Мадриде сэром Генри Булвером, что вызывало тревогу французского правительства⁶⁸. В меморандуме от 27 февраля 1846 г.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ *Rohau A.L.* История Франции от низвержения Наполеона до восстановления Империи. 1814–1852. СПб., 1866. Ч. 2. С.126.

⁶⁵ *Revue Rétrospective...* P.19.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ На тот момент в Европе было восемь принцев, принадлежавших к дому Бурбонов и являвшихся потомками Филиппа V. Это были три сына дон Карлоса, два сына инфанта дон Франсиска де Паулы, два брата короля Неаполитанского — граф Аквила и граф Трапани, и князь Луккский. Вскоре два возможных претендента на руку Изабеллы — граф Аквила и князь Луккский женились; таким образом, среди кандидатов остались два сына инфанта дон Франсиска де Паулы и граф Трапани. См.: *Русский инвалид*. 1846. 6 сентября.

⁶⁸ Еще в декабре 1845 г. Гизо писал Брессону, послу Франции в Испании: «Английское правительство не предпринимает прямых действий, содействующих этому браку (браку Изабеллы с Леопольдом Кобургским. — Н.Т.), но в то же время

Гизо заявил Абердину, что в случае, если брак принца из дома Кобургов с Изабеллой станет неминуемым или вероятным, французское правительство перестанет считать себя связанным обязательствами, взятыми на себя по договору в Ё, и «будет рассматривать себя свободным просить руки королевы или инфанты для герцога Монпансье»⁶⁹.

В мае 1846 г. в Париже стало известно, что Мария-Кристина, желая как можно скорее обеспечить своей дочери выгодную партию, под влиянием Булвера обратилась к Саксен-Кобургскому дому с весьма многозначительными предложениями. Гизо вторично протестовал; Абердин поспешил отречься от солидарности со своим послом, которого он, однако, не отозвал из Мадрида⁷⁰.

Тогда французское правительство, не предпринимая открытых антибританских действий, с июня 1846 г. приступило к реализации плана, который, по мнению Луи-Филиппа и Гизо, должен был в случае успеха окончательно подорвать в Испании английское влияние. Благодаря поддержке Франции, во главе испанского правительства встал Истуриц, горячо преданный Франции и враждебно относившийся к кандидатуре принца Саксен-Кобургского. Французское правительство выдвинуло кандидатуру инфанта дона Франсиско де Ассиса, герцога Кадисского в качестве супруга Изабеллы⁷¹. Британское правительство поддержало кандидатуру младшего брата герцога Кадисского — дона Энрике, герцога Севильского, который был относительно популярен в Испании как ревностный сторонник прогрессистов. Но именно это обстоятельство в глазах королевы Марии-Кристины и ее окружения

оно не препятствует его заключению. Оно не заявляет решительного „нет“ комбинациям, которые могут привести принца Кобургского на трон Испании. Мы же, французы, сказали свое решительное «нет» для французского принца». См: *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P.239.

⁶⁹ *Revue Rétrospective...* P.325.

⁷⁰ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Ростов-на-Дону, 1995. Т.1. С.393–394.

⁷¹ Герцог Кадисский происходил из семьи Неаполитанских Бурбонов, был двоюродным братом королевы Изабеллы. Французский план состоял теперь в том, чтобы сочетать браком герцога Кадисского с Изабеллой, а спустя некоторое время, или, если возможно, то и одновременно, Монпансье с инфантой. Считали, что королева останется бездетной, так как герцог Кадисский, по слухам, страдал бесплодием и вообще имел нетрадиционную сексуальную ориентацию. Тогда испанский престол перешел бы к Орлеанскому дому. Во всяком случае, во Франции полагали, что Франсиско де Ассис не будет иметь ни малейшего влияния на свою жену, и что Испания, при содействии Марии-Кристины и Монпансье, окажется под влиянием Франции.

служило ему дурной рекомендацией. Как отмечала княгиня Ливен, «королева Кристина ненавидит дона Энрике, а маленькая королева не хочет герцога Кадисского»⁷².

Отметим, что британское правительство постоянно подчеркивало, что испанская королева и правительство должны сделать свой выбор самостоятельно, без нажима извне, и заявляло, что каковы бы ни были предпочтения Великобритании, она всегда будет уважать свободный выбор испанской королевы, то есть не станет вмешиваться во внутренние дела этой страны. Так, лорд Абердин писал Гизо, что ни он, ни Пальмерстон «не претендовали контролировать свободные действия испанского правительства»⁷³. Английские газеты постоянно отмечали, что французское правительство, в отличие от английского, вмешивается во внутренние дела Испании, пытаясь навязать Изабелле свою кандидатуру⁷⁴.

В конце июня 1846 г. в Великобритании произошло событие, оказавшее существенное влияние на решение вопроса о браке королевы Изабеллы: пало консервативное правительство Р. Пиля, к власти пришло вигское правительство во главе с Джоном Расселом. Портфель статс-секретаря по иностранным делам получил лорд Пальмерстон. Это известие было встречено во Франции без энтузиазма. Княгиня Ливен в своих письмах императрице Александре Федоровне писала о «злобе» против Пальмерстона во Франции, о «спокойной жизни, которую вела Европа при лорде Абердине»⁷⁵.

19 июля Пальмерстон отправил Булверу депешу, сообщив о ее содержании графу Арнаку, французскому поверенному в делах в Великобритании, только тогда, когда она уже была отправлена. В этой депеше Пальмерстон предлагал три возможные кандидатуры на руку Изабеллы: принца Леопольда Саксен-Кобургского, дона Франсиска де Ассиса герцога Кадисского и дона Энрике герцога Севильского. Таким образом, кандидатура принца Саксен-Кобургского вновь вышла на первый план.

⁷² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.728. Коллекция документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Оп.1. Т.2. Д.1664. Т.2. Л.18 об.

⁷³ *Revue Rétrospective*... P.326.

⁷⁴ *Times* от 7 августа 1846 г. писала, что «хотя в браке королевы Испании с принцем дома Бурбонов нет ничего неизвестного, проталкивание такого брака приказами из Франции — это нестерпимый удар, нанесенный испанскому народу». Газета даже писала о «диктаторских намерениях» Луи-Филиппа по отношению к Испании.

⁷⁵ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Т.2. Д.1664. Т.2. Л.18 об.

Содержание этой депеши вызвало негодование во Франции⁷⁶. Луи-Филипп в письме дочери, королеве бельгийской, писал, что «успех принца Леопольда только привлечет несчастья на голову этого молодого принца и самой королевы, приведет к ниспровержению их трона, и ввергнет Испанию в анархию, от которой ее и так всегда было трудно предохранить»⁷⁷. Ф. Гизо в письме Арнаку также выразил свое негодование относительно позиции английского кабинета и подчеркнул, что если английское правительство не изменит своей политической линии, король Луи-Филипп «будет учитывать только интересы Франции и честь своей короны»⁷⁸.

В этот момент из Испании пришла ошеломляющая новость, причем как для французского, так и для английского правительств: посол Франции в Мадриде Брессон еще в начале июля добился у королевы Марии-Кристины окончательного обещания на браки ее дочерей с герцогами Кадисским и Монпансье. Оба брака должны были состояться одновременно: королева-мать опасалась, как бы бракосочетание старшей дочери не вызвало беспорядков, если его отпраздновать отдельно.

Действия Брессона, не санкционированные французским правительством, вызвали негодование со стороны короля Луи-Филиппа, назвавшего его поведение «дерзкой выходкой»⁷⁹. В письме, адресованном Гизо от 25 июля 1846 г., Луи-Филипп предложил следующую линию поведения: Франция должна как можно скорее опровергнуть заявление Брессона об одновременном заключении обоих браков, заявив об этом королеве Марии-Кристине, поскольку, по словам короля французов, «...карты, которые мы имеем в своих руках, должны быть чистыми, чтобы нас не обвинили в двойной игре». В конце письма Луи-Филипп советовал Гизо в инструкциях Брессону «не соединять... имен Кадисского и Монпансье, поскольку это соединение очень уж пахнет одновременностью...»⁸⁰.

---

⁷⁶ Король Луи-Филипп в письме от 14 сентября 1846 г. своей дочери Марии-Луизе, королеве бельгийской, писал, что Арнак, «увидев имя принца Кобурга, помещенное на этом листе, и помещенное во главе, в первой строке, оцепенел от изумления. Он заявил лорду Пальмерстону, что эта мера противоречит заверениям лорда Абердина... Лорд Пальмерстон ответил, что эта мера принята кабинетом, что он один не может это изменить, и что он не расположен предлагать это кабинету». См.: *Revue Rétrospective*... P.20.

⁷⁷ *Ibid.* P.19.

⁷⁸ *Ibid.* P.195–196.

⁷⁹ *Ibid.* P.182.

⁸⁰ *Ibid.* P.185.

Гизо, соглашаясь с мнением короля о том, что не стоит говорить об одновременности заключения браков. При этом, учитывая сложную внутривосточную ситуацию в Испании, он предлагал действовать более четко и определенно, чтобы у королевы Марии-Кристины не возникло сомнений относительно позиции Франции, и чтобы она не поддавалась английскому влиянию, поскольку английская дипломатия в Испании, по словам Гизо, «явно предпринимает значительные усилия в пользу Кобурга»⁸¹. С другой стороны, из писем Гизо тех дней становится очевидным, что он допускал, что маневр Пальмерстона в пользу Кобурга не имел реальной перспективы⁸². Мнение Гизо относительно снятия кандидатуры Кобурга нашло подтверждение в письме Арнака от 26 августа 1846 г. Он сообщил Гизо о содержании депеши, адресованной Пальмерстоном Булверу, в которой отмечалось, что Англия отдает свое предпочтение испанскому принцу в качестве супруга Изабеллы⁸³.

Франко-испанские переговоры велись Брессоном в течение нескольких недель в величайшей тайне. 27 августа королева Изабелла неожиданно сообщила своим министрам о решении выйти замуж за герцога Кадисского и выдать свою сестру за принца Монпансье, причем обе свадьбы должны были состояться в один и тот же день⁸⁴. Известия о действиях Франции в Испании и решении королевы Изабеллы вызвали бурю возмущения в Великобритании. Королева Виктория в письме от 10 сентября 1846 г., адресованном супруге Луи-Филиппа королеве Марии-Амелии писала: «Вы знаете, какое значение я всегда придавала нашему сердечному согласию и с каким упорством я стремилась его сохранить. Вы, без сомнения, знаете, что мы отказались настаивать на браке между королевой Испании и нашим кузеном Леопольдом (хотя обе королевы его очень желали) с единственной целью — не отдалиться от политики, благоприятной королю... Вы должны понять, что внезапное объявление об этом двойном браке не могло не вызвать у нас чувства удивления и очень живого сожаления»⁸⁵.

Содержание этого письма произвело тягостное впечатление на короля Луи-Филиппа. Он попытался составить ответ, но так и не дописал его, решив отправить письмо своей дочери, королеве бельгийской

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid. P.196.

⁸³ Ibid. P.307.

⁸⁴ Дебидур А. Указ. соч. Т.1. С.395–396.

⁸⁵ Revue Rétrospective... P.116.

Марии-Луизе, чтобы та довела его содержание до сведения королевы Виктории. В этом письме от 14 сентября 1846 г. он выразил сожаление, что королева Виктория «видит вещи только через очки лорда Пальмерстона, и очки эти — с кривыми стеклами... Существует большая разница между милейшим Абердином и лордом Пальмерстоном: лорд Абердин любил быть хорошим со своими друзьями, лорду Пальмерстону, я опасаюсь, нравится ссориться с ними»⁸⁶.

Лорд Абердин также выразил Гизо свое недовольство, назвав в письме от 14 сентября политику французского кабинета «весьма сомнительной и могущей привести к серьезным последствиям». В то же время он заверил Гизо, что по-прежнему надеется на сотрудничество и дружбу с ним, и что франко-английское «сердечное согласие» преодолеет трудности и будет сохранено как отвечающее национальным интересам обеих стран⁸⁷.

22 сентября лорд Пальмерстон выразил официальный протест против бракосочетания герцога Монпансье с инфантой, заявив, что Франция нарушила Утрехтский договор, поскольку этот брак создал возможность объединения корон Франции и Испании. Английское правительство заявило, что оно не признает этот брак, в результате которого ущемляются права будущих детей королевы Изабеллы. Кроме того, посол Великобритании во Франции лорд Норманби от имени британского правительства выразил Гизо свой протест против действий французского кабинета в Испании.

10 октября 1846 г. бракосочетания королевы Изабеллы с герцогом Кадисским и инфанты Луизы-Фернанды с герцогом Монпансье все-таки состоялись. Обе пары были обвенчаны перед одним алтарем, и конечно, «не одновременно», а одна после другой. Королева Испании Изабелла в знак благодарности предложила Гизо наследственное звание испанского гранда с титулом герцога Сан-Антонио (герцога Монпансье звали Антуан-Мари-Филипп-Луи), от которого он отказался.

Известие о заключении «испанских браков» было с энтузиазмом встречено французскими финансистами, ссужавшими деньги Испании и уже отчаявшимися их вернуть⁸⁸. По данным Гизо, долг Испании

⁸⁶ Ibid. P.17–22.

⁸⁷ Ibid. P.326–327.

⁸⁸ *Le Journal des Débats* писал: «В течение весьма долгого времени испанские векселя были бесполезными лоскутками бумаги, и теперь пора уже внять справедливым требованиям столь многих семейств, ссудивших Испанию своими деньгами и потерпевших чувствительные потери. Действительно, мы надеемся, что восстанов-

Франции составлял 40–50 млн франков⁸⁹. Совершенно иначе эта новость была встречена в Великобритании. Королева Виктория заявила, что разрыв с Францией является бесповоротным, что она отказывается поддерживать короля Луи-Филиппа, впервые, по ее словам, не сдержавшего своего слова⁹⁰. Лорд Пальмерстон также выступил с обвинениями в адрес короля Луи-Филиппа и Гизо, назвав политику Франции «амбициозной без зазрения совести» и заявив, что Франция «стремится установить свое влияние над другим государством незаконными средствами»⁹¹. Аналогичные обвинения высказывались со страниц английской прессы. *Le National* писал 24 сентября 1846 г., что «оппозиция в Англии становится с каждым днем все более твердой»⁹². Английские газеты отмечали, что дело «испанских браков» показало искусственность и иллюзорность «сердечного согласия» с Францией и его несоответствие национальным интересам Англии⁹³.

Австрия и Пруссия также с опасением восприняли известие о браке герцога Монпансье с испанской инфантой. Правительства этих стран не выступили с официальными протестами против политики Франции в Испании, однако в отношениях между ними и Францией усилилась напряженность⁹⁴.

Кроме того, в феврале 1847 г. произошел весьма неприятный инцидент между Норманби и Гизо. 19 февраля 1847 г. английский посол да-

---

ление спокойствия и порядка... позволит правительству юной королевы подумать, наконец, о своих заимодавцах, в числе которых находится много наших соотечественников». Цит. по: Русский инвалид. 1846. 2 ноября.

⁸⁹ Guizot F. Mémoires... V. 6. P.307.

⁹⁰ Дебидур А. Указ. соч. Т.1. С.397.

⁹¹ Renouvin P. Op. cit. T.5. P.183.

⁹² Times от 8 октября 1846 г. писала, что Луи-Филипп «не сдержал слова, данного Виктории в Ё», и что действия Франции ставят под угрозу европейское равновесие сил, но отмечала, что «Англия не видит необходимости призывать к оружию». В то же время, Times отмечала, что Англия «никогда не простит и никогда не забудет» нанесенное ей оскорбление.

⁹³ Morning Post сообщала 21 октября 1846 г.: «Мы всегда считали, что „сердечное согласие“ французского правительства с нашим было обманом, иллюзией и западней. Это не Англия, а Франция сегодня доминирует в Европе». Times от 7 августа 1846 г. писала о «слепоте» Луи-Филиппа и его «абсурдных претензиях». Газета отмечала, что король французов, обычно такой осторожный в своих действиях, «готов пожертвовать миром и свободой Пиренеев» для удовлетворения своих семейных интересов. Цит. по: Русский инвалид. 1846. 11 сентября.

⁹⁴ Рохау А.Л. Указ. соч. Ч. 2. С.127.

вал бал. Дочери Гизо, впрочем, еще не начавшие выезжать в свет, уже получили приглашения, а сам Гизо его еще только ожидал. Наконец, 14 февраля Гизо также удостоился приглашения, но в то же самое время леди Норманби принялась убеждать весь Париж, что это произошло по ошибке, из-за оплошности камердинера. Французы усмотрели в необъяснимом поведении супруги английского посла оскорбление национальной чести, и никто из приглашенных, за исключением нескольких членов оппозиции, сторонников Тьера, на бал не приехал. В Париже были убеждены, что лорду Пальмерстону следовало отозвать своего посла⁹⁵.

Во Франции известие о заключении испанских браков и о том негодовании, которое в связи с этим возникло в английском обществе и парламенте, было встречено совсем не так, как прежде. По словам А. Л. Рохау, французы оставались до такой степени безучастными, что отвечали на враждебность Великобритании «весьма слабо и даже вовсе не отвечали». «Сердечное согласие» с Великобританией, поддерживаемое прежде правительством, по мнению оппозиции, излишне дорогой ценой, теперь, как считали французы, было подчинено или даже принесено в жертву семейным интересам Орлеанского дома. Как писал О. Барро в своих воспоминаниях, «левая — верное эхо общественного мнения — осталась холодной и безразличной к этому важному семейному успеху, несмотря на дифирамбы Гизо и его друзей»⁹⁶.

Франко-английские отношения несколько нормализовались к марту 1847 г⁹⁷. Дипломатический конфликт между Гизо и Норманби был улажен в этом же месяце при посредничестве посла Австрийской империи в Париже графа Р. Аппоньи и короля Бельгии Леопольда, находившегося в то время в Париже⁹⁸.

⁹⁵ *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь или как возник «весь Париж». 1815–1848. М., 1998. С.163.

⁹⁶ *Barrot O. Mémoires...* Т.1. Р.445.

⁹⁷ 13 февраля Сент-Олер имел честь обедать у королевы Виктории. За столом присутствовали также принц Альберт, герцог и герцогиня Кембриджские и лорд Кларендон. Из королевского дворца Сент-Олер направился на прием к лорду Пальмерстону. Как отмечал *Le Courier Français*, французский дипломат был очень хорошо принят. За обедом лорд-мэр, в присутствии Пальмерстона, пил за здоровье короля Луи-Филиппа. См.: Русский инвалид. 1847. 20 февраля.

⁹⁸ *Le Courier Français* сообщал, что Гизо намеревался устроить большой обед в честь лорда Норманби, на который был приглашен весь дипломатический корпус. «Утверждают, что примирение между Гизо и Норманби — дело рук Леопольда». Газета также отмечала, что примирение между Францией и Великобританией стало

Таким образом, в результате упорной борьбы в деле «испанских браков» победу одержало французское правительство, подвергнутое критике во Франции за разрушение «сердечного согласия» с Великобританией в угоду якобы семейному интересу Орлеанской династии. Однако вскоре после заключения браков королевы Изабеллы и инфанты стало ясно, что испанская комбинация Луи-Филиппа и Гизо не имела той перспективы, которой от нее ожидали: королева Изабелла не замедлила родить сына; ее мать, королева Мария-Кристина, обосновалась в Париже, а герцог Монпансье не имел большого влияния в Мадриде. Интересна реакция Луи-Филиппа, уже утратившего трон и находившегося после революции 1848 г. в Англии, на известие о беременности королевы Изабеллы. Как отмечала княгиня Д. Х. Ливен, также в это время находившаяся в Англии, в своем письме императрице Александре Федоровне, Луи-Филипп пришел в ярость и воскликнул: «Кто отец?» Ему назвали имя герцога Беденара, на что Луи-Филипп ответил: «В добрый час; по крайней мере, это хорошая компания, но не говорите мне больше об этом деле»⁹⁹.

Франция, несмотря на успешную дипломатическую комбинацию, не смогла добиться преобладающего влияния в Испании, что проявилось уже при формировании нового министерства в Испании в начале 1847 г. *Le National* писал по этому поводу: «Неизбежное возвращение в Мадрид влияния Англии, предвиденное нами, последовало прежде, нежели мы думали... Мы полагаем, что из шести новых министров, английский посланник имеет на своей стороне четыре»¹⁰⁰.

С начала мая 1847 г. на молодую испанскую королеву приобрел влияние фаворит Серрано, которому покровительствовал лондонский кабинет. Влияние Серрано на Изабеллу было столь компрометирующим, что ее супруг дон Франсиско де Ассис покинул дворец и заговорил о разводе¹⁰¹. Однако Франция вмешалась и сумела отговорить оскорбленного супруга от намерения пойти на скандал. В скором вре-

---

возможным потому, что французское правительство согласилось с требованием Великобритании отречься от прав на испанский престол. См.: Русский инвалид. 1847. 4, 5 марта.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Т. 3. Л. 115 об.

¹⁰⁰ Цит. по: Русский инвалид. 1847. 9 апреля.

¹⁰¹ Юная королева Изабелла с самого своего замужества, прежде всего, стремилась к развлечениям. Как отмечала Д. Ливен, «молодая королева забавляется, король спит. Он ложится спать в 11 часов, она — в 4 часа утра». А однажды пришла только в 8 часов. См.: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Т. 2. Л. 27 об., 54 об.

мени Франции удалось помочь Нарваэсу вернуться к власти (октябрь 1847), а тот добился удаления Серрано¹⁰².

Когда после революции 1848 г. королевская семья во главе с Луи-Филиппом при содействии английского консула бежала в Великобританию, королева Виктория оказалась в сложной ситуации. Она была предупреждена министрами Расселом и Пальмерстоном о том, что оказание Луи-Филиппу великодушного приема и помощи могло быть расценено новым французским правительством как содействие в возвращении бывшего монарха к власти. Кроме того, сама Виктория помнила обиду, нанесенную ей французским правительством и Луи-Филиппом лично в деле «испанских браков». Но в итоге победило чувство монархической солидарности и родственные связи (Луи-Филипп, напомним, был тестем любимого дяди Виктории, короля Леопольда). В результате инцидент был исчерпан при помощи ставшего уже традиционным посредничестве короля Леопольда. Он написал письмо, в котором сообщал, что предоставляет свой дворец в Клермонте в распоряжение своего тестя, который может жить там столько, сколько потребуется¹⁰³.

Аналогичные сведения сообщала Д. Х. Ливен. В письме от 4 (16) марта она отмечала, что, несмотря на «испанские браки» и вызванные ими трения в англо-французских отношениях, английскую неприязнь к Франции, королевская семья была принята с большим уважением к ее несчастью¹⁰⁴.

Итак, идея сохранения стратегического партнерства с Великобританией являлась генеральной линией либералов — орлеанистов. Политики разных политических пристрастий, такие, как Ф. Гизо, А. Тьер, Ш. Ф. Монталамбер, О. Барро проявили себя убежденными сторонниками политики «сердечного согласия» между двумя странами. Линия орлеанистов на сотрудничество с Великобританией, как показали события XIX—XX вв., оказалась более дальновидной и плодотворной, чем взгляды их политических оппонентов. Понадобился крах Июльской монархии, революция 1848 г., поражение в 1870—1871 годах, чтобы французы, наконец, пришли к выводу о необходимости «дружить» с Великобританией, несмотря на горькое прошлое и продолжавшуюся конкуренцию, особенно в колониях и морской торговле.

¹⁰² Дебидур А. Указ. соч. Т.1. С.487.

¹⁰³ Greville. Les quinze premières années de regne de la reine Victoria. P., 1889. P.373.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф.728. Оп.1. Т.2. Д.1664. Т.3. Л.16.

В годы Июльской монархии Великобритания сама вела себя не очень дальновидно, признавая за Францией только второстепенную роль, зачастую не желая считаться с ослабленной Францией и стараясь (по инерции прежних времен) всюду ее потеснить и ограничить. Как отмечал Р. Баллен, несмотря на то, что виги представляли себе альянс с Францией как союз равных и взаимно полезных друг другу родственников, на практике так никогда не поступали: Пальмерстон полагал, что Франция должна была следовать за Англией, могла играть только вторую роль после нее, особенно в Западной Европе¹⁰⁵.

Исходя из этого, подлинного франко-английского «сердечного согласия» достичь не удалось¹⁰⁶. Франко-английские противоречия, очень ярко проявившиеся на фоне обострения традиционной многовековой борьбы двух стран за установление своего преобладающего влияния в Испании, продемонстрировали хрупкость и непрочность «сердечного согласия», которое Дж. Г. Абердин называл «доверием на один день»¹⁰⁷, что неоднократно подтверждалось в моменты острых международных кризисов. Несмотря на общность либеральных политических институтов ни одна из сторон не могла допустить возможного усиления политических и экономических позиций одной из них в этом важном стратегическом регионе, особенно на фоне актуализации средиземноморской политики.

---

¹⁰⁵ Bullen R. Palmerston, Guizot and the Collapse of the Entente Cordiale. L., 1974. P.333.

¹⁰⁶ Как справедливо отмечал русский публицист К.К.Арсеньев, Великобритания «сочувствовала политическому устройству Франции, но между французами и англичанами было слишком мало народной симпатии, между их правительствами — слишком много противоречивых интересов. См.: *Арсеньев К.К.* Записки Гизо. Министерство 11 октября 1832 г. // Русский вестник. 1861. Т.36. С.184–185.

¹⁰⁷ Цит. по: *Федосова Е.И.* Франция и Венская система (К вопросу о постоянно действующих и временных факторах внешней политики) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. №5. С.80.